

ХМЪЛЬ, СОНЬ И ЯВЬ.

Вѣдаясь промежъ собою, въ кругу людей, коимъ уже родомъ и судьбою назначено жить бѣлоручками, мы удалены участіемъ своимъ отъ жизни чернорабочей. Жизнь простолюдина кажется намъ чрезвычайно однообразною, не занимательною; всѣмъ помышленіямъ указанъ тѣсный кругъ; вѣчныя заботы о насущномъ хлѣбѣ; нѣть потребностей кромѣ сна и пищи; нѣть доблести кромѣ случайной; есть добрѣтель, покуда нѣть искушенія, а нѣть искушенія — гдѣ нѣть — кабака.

Нельзя спорить противъ этого, нельзя и согласиться безусловно. Человѣкъ все одинъ и тотъ же; отличается одинъ отъ другаго: либо тѣмъ, что Богъ ему дастъ — и этотъ даръ даруется не по сословіямъ; либо тѣмъ, что пріобрѣтешь наукой и образованіемъ — и если это собственность

высшихъ сословій, то по крайней мѣрѣ способность, воспріимчивость къ тому всюду одинаковая; либо наконецъ отличается одинъ отъ другаго кафтаномъ — и это различіе безспорно самое существенное, на которомъ основано многое.

Въ малоземельныхъ губерніяхъ нашихъ значительная часть населенія зарабатываетъ хлѣбъ свой на чужбинѣ и возвращается домой только временно, почти на побывку, принося съ собою деньги на хлѣбъ, на подушное и на другія нужды. Въ близкихъ отъ столицы губерніяхъ, крестьяне уходятъ только на лѣто, а зимою или бываютъ въ извозѣ, или занимаются ремесломъ, или же наконецъ лежать на печи; но изъ дальнихъ губерній работники уходятъ на два, на три и болѣе года, не только въ столицы, но и во всѣ концы царства; Симбирцы, Владимірцы, Ярославцы, строять дома въ Уральскѣ, Оренбургѣ, Омскѣ и Тобольскѣ. Во многихъ малоземельныхъ губерніяхъ большая часть господскихъ имѣній на оброкѣ, мужики ходятъ по всей Россіи и

одни только старики, бабы и дѣти сидяще дома. Тысячи плотниковъ, столяровъ, половщиковъ, каменщиковъ, штукатуровъ, печниковъ, кровельщиковъ, разсыпаются оттуда ежегодно по всей Россіи; крестьяне, цѣлыми селеніями, держатся по наслѣдству промысловъ, къ коимъ привыкли уже дѣды ихъ. Цѣлые деревни Тверитянъ или Новгородцевъ бываютъ лѣтомъ въ Питерѣ штукатурами, а зимою сапожниками; привозятъ товаръ свой каждую весну, когда идутъ на работу, обозами въ Сѣверную Столицу нашу, отдаютъ сапоги ни по чѣмъ, лишь бы выручить зимніе харчи, и эти—то обозы наполняютъ знаменитыя лавки Щукина двора, гдѣ готовые и на видъ порядочные сапоги можно купить за цѣлковый, т. е. дешевле чѣмъ въ Петербургѣ обходится самый товаръ.

Бурлаки и Музуры — судорабочіе и матросы, идутъ внизъ по Волгѣ огромными толпами, съ сермягою и котомкою за плечомъ, съ парою запасныхъ лаптей на поясѣ, съ деревянною ложкой, заткнутою на шляпѣ за ремень, лычко или бичевку; за

пылью и грязью на этихъ людяхъ больше ничего не видать. Бурлаки подымаютъ суда на лямкахъ, бичевою, вверхъ по Волгѣ, отправляясь сперва за этимъ пѣши внизъ, и при всемъ томъ народъ обходится здѣсь судохозяевамъ въ работѣ дешевле быковъ и лошадей. Вотъ работа и хлѣбъ для самыхъ грубыхъ, не искусствныхъ ни въ какихъ ремеслахъ околодковъ, и вотъ тотъ народъ, который работаетъ эту конскую работу, въ поту лица, мѣсяцъ сряду, съ тѣмъ, чтобы отбывъ одну путину, пропить все въ три дня. Не стану поминать промышленниковъ и дармоѣдовъ разныхъ родовъ, кулаковъ, которые мѣняютъ по деревнямъ разные припасы — кошатниковъ, которые собираютъ колотковые мѣха, вымѣнивая у бабъ кошечъ на деревянную посуду — разносчиковъ и ходебщиковъ, а говоря собственно о ремесленникахъ, должно упомянуть и о крестьянскихъ портныхъ, которые ходятъ зимою по селамъ и постукивая въ окно, спрашиваютъ: нѣть ли шитва? потомъ рядятся съ аршина и съ овчины и берутъ копейки по двѣ, съ

уговоромъ, не пускать уже въ эту деревню другихъ портныхъ — за что обшиваютъ волостное начальство безденежно — а обшивъ все село, идуть далѣе и опять стучать посохомъ въ окна. Нижегородскіе Татары, возвращаясь домой, подъ предводительствомъ одного довольно статнаго Мурзы, называемаго всюду по пути Княземъ, покупаютъ на заработанныя деньги Башкирскихъ (Саратовскихъ), Киргизскихъ и Калмыцкихъ лошадей, откармливаютъ ихъ путемъ по ночамъ воровски у стоговъ и скирдъ и перепродаютъ по дорогѣ съ барышомъ извощикамъ и ямщикамъ.

Въ этихъ малоземельныхъ селеніяхъ заведено большею частію, что молодой парень долженъ заработать напередъ известную сумму на отца и семейство свое, потомъ уже, уплативъ года три—четыре подушное за отца или дѣда и за малыхъ братьевъ, идеть онъ работать годъ или два на себя, и женится. Тутъ не найдете вы мужика домосѣда, мужика, который не видаль бы свѣту; только развѣ въ большихъ

семействахъ, пятерикахъ, семерикахъ, одинъ постоянно остается дома. Можетъ быть это обстоятельство объясняетъ сильную наклонность, всегдашнюю готовность крестьянъ нашихъ къ переселенію; едва ли проходитъ спокойно два—три года сряду, чтобы какой нибудь пустой, нелѣпый слухъ, безтолковая молва, безсмысленная сказка — приплетенная самимъ дикимъ образомъ ни къ селу ни къ городу къ новому узаконенію или постановленію — чтобы говорю какая нибудь дикобразная сказка не подняла вдругъ цѣлыхъ селенія на ноги — Богъ вѣсть куда, въ какой—то баснословный край, гдѣ нѣть ни подушнаго, ни рекрутства. Тамбовскіе, Воронежскіе, Орловскіе, Пензенскіе, Калужскіе и другихъ губерній переселенцы наводняютъ цѣлыми ордами Восточные предѣлы Государства, кочуютъ, какъ Цыгане, по нѣсколько лѣтъ сряду, то не получая отводу новыхъ земель, то не соглашаясь селиться тамъ, гдѣ указываютъ, то избирая по произволу чужія частныя или войсковыя зимли, поселяясь на нихъ силою

и возвращаясь по нѣсколько разъ опять на тоже мѣсто, съ котораго сводятъ ихъ посредствомъ Исправника или даже воинской команды. Господскіе крестьяне уходятъ бурлаками до Астрахани,анимаются тамъ въ бурлаки, въ музуры, въ тюленьщики, въ рыбаки, ходятъ въ море, пропадаютъ нѣсколько лѣтъ безъ вѣсти, не заботясь о давно просроченныхъ паспортахъ и не рѣдко попадаютъ въ плѣнъ и рабство къ Адайцамъ или Туркменамъ — рабство, коему Правительство наше наконецъ нынѣ положило предѣлъ.

Кочеванье это безспорно бываетъ поводомъ порчи нравовъ; мужикъ балуется и многіе обвиняютъ за это шатающихся крестьянъ; но на все есть свои причины, и намъ кажется, что объѣхавъ напримѣръ Владимірскую губернію, не станешь дивиться для чего тысячи рабочихъ рукъ ежегодно ее покидаютъ. Тутъ почва большею частію такъ дурна, что глядя на этотъ сыпучій песокъ, перемѣшанный съ какою-то мертвую, сѣрою пылью, на болото, мшину и кочкарникъ, обгорѣлые

пни и коряги — пожалѣешь о потовомъ трудѣ мужика, поднявшаго лемехомъ каждый клочокъ и уголокъ, гдѣ только можно пратащить одноконную соху. Если Нѣмецъ или Англичанинъ съумѣли бы извлечь изъ этой неблагодарной почвы десятерицею болѣе нашего, то это еще ничего не доказываетъ; чего мы не знаемъ, тому не вѣримъ, а что бы разувѣрить человѣка, у котораго все основано на опыте, на завѣтѣ отцовъ — должно убѣдить его и переучить дѣломъ, а не словами. Есть безъ сомнѣнія и другія причины этой страсти къ переселенію — но ихъ оставимъ въ покоѣ. Вездѣ хорошо, гдѣ нась нѣть.

Во Владимірской губерніи на большой дорогѣ есть село, известное по мастерству и прилежанію своихъ крестьянъ, плотниковъ и столяровъ, въ числѣ коихъ наберется и десятокъ—другой краснодеревцевъ. Село это известно подъ названіемъ Глухаго Озера и почти поголовно уходитъ въ Заволжскій край на работу. Тутъ жила большая семья Воропаевыхъ; дѣдъ сидѣль уже дома на

печи, а отецъ и четверо сыновей ходили постоянно, по вызову подрядчиковъ, куда только путь—дорога лежить, и кормили и оплачивали всего не менѣе 17—ти душъ. Въ числѣ подрядчиковъ этихъ былъ и родной братъ отца—Воропаева, а дядя четырехъ сыновей; ему посчастливилось въ работѣ, хозяинъ былъ онъ хороший, мужикъ смышленый, сшиль себѣ синюю сибирку, взялъ сажень въ руки и стала держать артель.

На этотъ разъ плотникамъ нашимъ случилось проработать лѣто всѣмъ вмѣстѣ, или поблизости одному отъ другаго; отецъ собралъ ихъ къ зимѣ и велѣлъ собираться также, какъ обыкновенно хаживали они и поочередно, на общій счетъ, что бы не больно издержаться. Разсудивъ, что степную лошадку можно продать безъ убытку на какомъ нибудь яму, Воропаевы купили пару коней и около Рождества стариkъ нашъ съ сыновьями прибылъ домой. Онъ не былъ на родинѣ уже два года, и подкатиль на саняхъ подъ ворота съ рѣзной стрѣхой — какъ снѣгъ на голову;

никто его не видаль. Вошедь не торопясь въ избу, онъ отсунулъ отъ себя лѣвой рукой старуху свою, которая, закричавъ отъ радости: охъ ты родимый мой! бросила было веретено свое и кинулась сдуру обнимать мужа. Онъ помолился преспокойно иконамъ, между тѣмъ какъ жена заливалась слезами, потомъ уже вымолвилъ: здравствуйте, поцѣловаль старуху свою, дочерей, малыхъ сыновей и внуковъ. Вошли и пріѣзжіе четыре сына; семья жила нераздѣльно, въ большой, просторной избѣ, на двѣ половины съ комнатками. Вскорѣ сбѣжались и замужнія дочери и кто былъ на селѣ изъ зятьевъ; тутъ пошли шурья, свояки, свояченицы, тещи, невѣстки, кумы, кумовья — русскій человѣкъ безъ сродниковъ не живеть — и набралась полна изба. Отцу своему Воропаеву-отецу поклонъ въ ноги; жена ему поклонъ въ ноги; словомъ, все пошло своимъ порядкомъ и сродники кланялись низко отцу, дюжему плотнику, цѣловались съ сыновьями его, говорили приличныя рѣчи, какъ слѣдуетъ по закону, напримѣръ:

какъ васъ Богъ миловалъ? по добру ли по здорову? соскучились мы по васъ совсѣмъ — и проче, а за тѣмъ пріѣзжіе раздѣлись, то есть распоясались, скинули тулупы и кафтаны, усѣлись вокругъ стола, занявъ красный уголь избы, а бабы подавали ъесть и пить, толпились около печи, за загородкой, шарили въ рѣзномъ поставцѣ, выгоняли изподъ лавокъ куръ, которыя думали воспользоваться праздникомъ и суматохой и втерлись подъ ногами у посѣтителей въ избу. Между тѣмъ ребятишки, растянувшись на краю полатейничкомъ и потряхивая головами, глядѣли на все это мигая и толкая другъ друга. Кромѣ корчаги щей и горшка каши, плотники наши опорожнили вскорѣ два огромные кувшина квасу и отрѣзали себѣ, на закуску, по сукрою хлѣбца, четверти въ три, посыпавъ его крупною какъ горохъ солью.

«Добрались таки опять до своего хлѣбушка» сказалъ отецъ, «а было и ъесть его разучились.»

— Нешто — отвѣчалъ сынъ низовымъ нарѣчіемъ, къ которому привыкъ на

работахъ своихъ — нешто, добрались; а и бѣлые калачи ихъ ладно подъ зубъ ложатся, батюшка, что у насъ вотъ пирогами зовутъ. Тамъ хлѣба вѣкъ не знаютъ — прибавиль онъ оборотившись къ свояку, человѣку не бывалому, который сидѣлъ дома на хозяйствѣ, — все калачъ, что по нашему пирогъ. —

«То—то вѣдь мы и ходимъ къ нимъ калачи—тѣ ъсть» — замѣтилъ отецъ, посоливъ еще разъ изъ солоницы ломоть свой и стряхивая надъ нимъ пальцы, «что у нихъ калачей—то много, что сами они съ ними не управятся.»

— А рыбы—то у нихъ, рыбы — началь другой сынъ — хоть круглый годъ постись; и свиней рыбой кормятъ, и собакъ рыбой, да и коровы, братъ, тамъ рыбу ъдятъ; ей Богу ъдятъ! вотъ земля! —

«Разумѣется такъ» сказалъ одинъ изъ сродниковъ, «что городъ, то норовъ.»

— Какъ такъ коровы? — спросилъ своякъ, которому понятливость или говорчivость сродника не пояснила дѣла.

«Да такъ, братъ, ъдяты, да и только; пожалуй хоть отца, батюшку спроси и братьевъ, чай не дадутъ соврать; вотъ хоть и въ самой Астрахани: за мѣсто того что у насъ дадутъ коровѣ мѣсиво какое, что-ли, а тамъ вяленой рыбки соленой подкинуть ей, она и жуеть ее ровно хлѣбъ.»

— А народу что тамъ некрещенаго — началь другой — такъ Господи воля твоя! ровно въ собачье царство какое забредешь, такъ вотъ вокругъ тебя невѣсть по каковски и лаютъ. —

«Вишишь ты, братъ!»

— Калмыкъ про Маханъ толкуетъ, Карсакъ (Кайсакъ) про свое тамъ что нибудь, татаринъ киль-мунда, Кизылбашъ молчить сидить себѣ, таки вотъ хоть не води ушами, не при тебѣ писано. —

Гости, и въ особенности бабы, дивились всѣмъ чудесамъ этимъ; вскорѣ однокожъ посторонніе всѣ разошлись съ поклонами и остались одни хозяева. Смерклось; подали свѣтецъ и лучинъ; отецъ позвалъ дѣда на совѣтъ, заперли двери на крючокъ, выславъ напередъ бабъ — достали и сосчитали

принесенные съ собой деньги, рублей по двѣсти на брата, кромѣ того, что переслали уже домой на оброкъ; расчитали сколько и куда изъ нихъ пойдетъ; потомъ убрали деньги, позвали бабъ, и отецъ роздалъ женѣ, дочерямъ и невѣсткамъ по платку; и мужья вытащили гостинцы свои; отецъ съ дѣломъ потолковали о томъ, гдѣ кто работалъ, почему бралъ, что прохарчилъ и заработалъ, и сколько принесъ. Наконецъ стариkъ Воропаевъ подозвалъ къ дѣлу третьяго сына своего, Степана, принесъ на него горькую жалобу, что онъ—де сталъ ни съ того, ни съ сего, погуливать и не мало денегъ пропилъ.

Гнѣвно вскинулся дѣдъ на робкаго Степана, который кланялся ему въ ноги, божился и заклинался, что впередъ не станетъ никогда, даже въ ротъ ничего не возметъ — но у дѣда глаза горѣли, сѣдой волосъ придаваль суворому, красному лицу его грозный видъ; бѣлая борода, пожелтѣвшая уже мѣстами, какъ поблеклый листъ, дрожала. — Степанъ горько плакаль и самъ отецъ, отступившійся отъ него въ

началъ жалобы своей и предавшій его гнѣву дѣдовскому, началъ по маленьку задабривать дѣда, ручаясь за сына на будущее время. Степану объявили, что онъ съ будущей весны пойдетъ работать на свое хозяйство, что пора его женить. «Да гляди ты у меня,» прибавилъ дѣдъ, постукивая костылемъ своимъ въ половицу и потряхивая выразительно по поясъ разостлавшеюся бородой, «гляди, Степанъ, коли ты у меня пить не бросишь съ сегодняшняго дня, то Господь попутаетъ тебя, покараетъ и наживешь ты себѣ неизбѣжное горе.»

Насталъ Мартъ, и Степанъ, положивши на прощанье еще разъ большое заклятіе, что хмѣльного въ роть не возметъ, сталъ собираться въ путь. Хоть онъ и зарекался искренно и не пиль дома во всю зиму, — но ему както боязно было итти въ одно мѣсто съ отцемъ и съ братьями, и онъ пошелъ въ Саратовскую губернію, подъ предлогомъ, что тамъ-де слышно лучше платить. Какъ хорошему плотнику, ему и точно дали 380 рублей, на хозяйствскихъ харчахъ, за

льто, т. е. отъ пасхи до покрова, либо до Кузминокъ, до Козьмы и Демьяна, или ссыпчины, также дѣвичій праздникъ, потому что дѣвки сходятся въ одну избу, приносять, каждая, что нибудь съѣстное, готовятъ вмѣстѣ ужинъ и празднуютъ свой праздникъ.

Степану пришлось работать съ небольшою артелью, сперва въ одной барской усадьбѣ, а тамъ въ удѣльномъ имѣніи, гдѣ рубили избу для приказа. На барскомъ селѣ жиль такъ называемый въ тѣхъ мѣстахъ дворникъ, или содержатель постоянного двора. Этотъ человѣкъ былъ нѣкогда господскимъ, взялъ себѣ въ голову, что не想要 служить у господина,想要 на волю — а ужъ какъ русскій человѣкъ забереть себѣ въ голову что нибудь, то справиться съ нимъ мудрено. Тутъ ни опасности, ни очевидная безсмыслица предпріятія и здравыя, благоразумныя убѣжденія ваши не пойдутъ въ прокъ; оно все такъ, подумаетъ онъ, а иной разъ и скажетъ, да ужъ власть Господня, что будетъ, то будетъ, а я ужъ

хочу того, либо другаго, ужъ пусть такъ и будетъ. Такимъ образомъ молодецъ нашъ, забравъ себѣ въ голову, что ему надо быть мѣщаниномъ, и собравъ Богъ вѣсть изъ какихъ источниковъ безтолковое свѣденіе, что на Черномъ морѣ можно приписаться, собрался и ушель. Съ этого первого похода на Черное море привели моего молодца, перехвативъ его гдѣ-то на перепутьи, съ выбритой на половину головой; но какъ онъ твердо вознамѣрился достигнуть, во чтобы ни стало, обѣтованной земли своей, то онъ вслѣдъ за тѣмъ попытался въ другой и третій и въ десятый разъ, каждый разъ возвращался по пересылкѣ съ бритой головой и до того надоѣль наконецъ помѣщику, что этотъ отпустилъ его на волю за 300 рублей, которые неизвѣстно какимъ образомъ очутились у Черноморца — прозваніе, приданное ему единогласно цѣлымъ селомъ.

Черноморецъ поселился въ Саратовской губерніи, въ помѣщичьемъ имѣніи, и у него достало Богъ вѣсть какихъ денегъ купить избу и выплатить помѣщику за годъ

впередъ оброкъ за постоянный дворъ. Степанъ случайно познакомился съ нимъ, когда еще въ прежніе годы тутъ работывалъ, свель даже какую-то хмѣльную дружбу и не разъ, въ прежніе годы, вмѣстѣ съ нимъ бывалъ пьянъ. Въ этотъ разъ Степанъ крѣпился и держался; вскорѣ артель перешла на работу въ удѣльное село и можетъ быть вся дружба ихъ тѣмъ бы и кончилась; но Степанъ остался работать и на зиму, потому что работа нашлась и ему хотѣлось принести болѣе домой, утѣшить отца и дѣда и жениться. Тутъ подрядчикъ послалъ его на саняхъ, въ одну лошадку, забрать въ господскомъ селѣ какой-то оставленный тамъ плотничій приборъ.

Степанъ заѣхалъ переночевать къ своему Черноморцу и тутъ-то на досугѣ и на привольѣ, какъ гость, противу потчivanія не устоялъ. А хозяинъ поилъ его вечеркомъ съ особеннымъ усердiemъ и заставилъ признаться въ дружеской бесѣдѣ, что у него въ натѣльномъ бумажникеъ есть сотни двѣ заработанныхъ денегъ. Легли

спать; гость на лавкѣ, подъ образомъ, а хозяинъ съ хозяйкой за перегородкой. Степанъ заснуль, какъ легъ, но ему привидѣлся страшный сонъ: родной дѣдъ его, въ красной рубахѣ, съ сѣдыми какъ лунь волосами, пожелтѣвшою бородою, со страшными глазами и загорѣлою клѣтчатою какъ юфть шеей, стояль передъ нимъ и хотѣлъ его зарѣзать, за то, что внукъ напился пьянь. Степанъ проснулся и перекрестился; холодный потъ проступилъ у него по всему тѣлу. Хмѣль прошла, сонъ прошелъ, сердце стучало вслухъ и Степанъ лежалъ цѣлый часъ, едва переводя духъ, едва смѣя вздохнуть.

Въ это время послышался ему легкій стукъ и шопотъ за перегородкой. Степанъ уставилъ въ потьмахъ глаза въ потолокъ и сталъ чутко вслушиваться: хозяйка упрашиваетъ и умаливаетъ хозяина о чёмъ–то, а онъ ее сурово отталкиваетъ и приказываетъ вздуть огня. Она все свое; онъ сердится, грозить — но шопотомъ; наконецъ Степанъ слышитъ ясно, что рѣчъ идетъ о душѣ его; хозяйка говоритъ:

«родной ты мой, полно, покинь, не тронь его, Господь съ нимъ, малоль ты ужъ на душу свою грѣха принялъ! ну за что ты его погубиши? побойся Бога хоть разъ, не тронь его.....»

Степана дрожь проняла до мозговъ, однако онъ нащупалъ напередъ всего топоръ свой, сѣль, кашлянувъ громко, и спросилъ: «Хозяинъ, никакъ и ты не спиши! Вели пожалуста огонька вздуть, да разочтемся за сѣнцо, мнѣ чай ужъ Ѳхать пора.» Хозяинъ далъ хозяйкѣ своей тихомолкомъ зуботычину, велѣлъ вздуть огня — и она на этотъ разъ послушалась — вышелъ къ Степану, сказалъ: «что такъ рано, еще никакъ первые пѣтухи только что замолкли?» — Да такъ, — отвѣчалъ Степанъ, — лошадь видно ужъ отдохнула, такъ пора собираться; хозяинъ наказывалъ пораньше поспѣть на мѣсто. —

Степанъ расчитался, съ оглядкой, одѣлся, заткнулъ топоръ за поясъ, пошелъ закладывать своего мерина, сказавъ, что зайдетъ еще, но вмѣсто того самъ растворилъ ворота, перекрестился, сѣль и

поѣхаль: хмѣль, говорить, всю изъ головы выбило и слѣду не осталось.

Выѣхавъ за село, Степанъ пустиль лошадь свою шагомъ и сталъ думать о томъ, что съ нимъ случилось. Не вѣрилось ему какъ-то, чтобы Черноморецъ посягнулъ на такое дѣло и Степанъ уже почти готовъ быль подумать, что все-де это ему во снѣ привидилось, либо съ похмѣлья померещилось. Въ это время другія мужицкія сани догоняли рысью Степана и кто-то кричалъ: «сворачивай, не видишь, что-ли»? Степанъ оглянулся въ потьмахъ, голосъ показался ему что-то знакомый. «Сворачивай, тебѣ говорять!» — Тѣсно, что-ли тебѣ по дорогѣ, — отвѣчалъ Степанъ, — объѣзжай стороной. — Наѣхавшій сзади своротиль въ это время въ сторону и въ туже минуту вдругъ удариль изо всей силы Степана цѣпомъ. Къ счастію Степанъ, напуганный уже впередъ знакомымъ голосомъ и подозрѣвавшій что-то недобroe, не спускалъ съ глазъ своего попутчика и успѣль уклониться нѣсколько отъ взмаха цѣпа, такъ что ударъ пришелся

только въ грядку саней и частю по ляшкѣ. Въ одинъ мигъ Степанъ выхватилъ цѣпъ изъ рукъ убійцы, взмахнулъ и удариль его самого изовсей силы въ самое темя; тотъ свалился въ сани и уже не вставалъ. Лошади сбили между тѣмъ одна другую къ краю дороги и остановились, упервшись головами въ сосну.

Степанъ перекрестился, слѣзъ съ саней, оглянулся кругомъ — все тихо и пусто; подошелъ къ недругу своему, посмотрѣль ему въ лицѣ — онъ, онъ и есть, Черноморецъ, хозяинъ постоялаго двора! И такъ, отпустивъ плотника изъ дому и опасаясь можетъ быть, что онъ слышалъ ночной разговоръ и донесеть теперь о зломъ умыслѣ хозяина, этотъ рѣшился нагнать его дорогой, хотѣль заставить своротить, что бы отвлечь вниманіе его отъ себя и наѣздомъ думаль сбить его ударомъ цѣпа и обобратъ. Судьба посудила иначе; хозяинъ лежалъ убитый передъ плотникомъ, а этотъ, радуясь своему спасенію, не зналъ куда однакоже со страху дѣваться; онъ убилъ человѣка,

будеть сидѣть въ острогѣ, судиться, словомъ, пропадеть.

Подумавъ немнogo, Степанъ, опасаясь всѣхъ страшныхъ послѣдствій, рѣшился скрыть и утаить этотъ случай. Онъ нашелъ въ сторонѣ отъ дороги порядочный оврагъ, заваленный снѣгомъ и хворостомъ. Очистивъ одно мѣсто, онъ свалилъ туда убитаго, прикрылъ его опять хворостомъ и снѣгомъ, а лошадь оборотилъ назадъ и пустилъ по дорогѣ домой. За тѣмъ, Степанъ самъ сѣль и поѣхалъ.

Ночь, темно, холодно, пусто и глухо. Задумался Степанъ нашъ и разсудилъ наконецъ, что всему—де этому виновата проклятая чарка. Она меня было замертво спать уложила и кабы не сонъ, кабы не приснился мнѣ грозный дѣдъ, такъ видно и не вставать бы мнѣ съ лавки. Охъ, чуть ли не правду онъ говорилъ мнѣ, что наживу я горе неизбѣжное — чуть ли это не оно и приспѣло. Не стану пить; вотъ ей Богу, Господь видить не стану; снялъ шапку и перекрестился, на небо глядя, и заплакалъ.

Пріѣхалъ Степанъ въ господскую деревню, куда его послали, принялъ что слѣдовало, переночевалъ, накормилъ лошадь и пустился опять назадъ. Страшно тамъ было ему подъѣзжать къ селу, гдѣ свершилось надъ нимъ прошлою ночью столько недобраго; сердце стучало и Степанъ нашъ робко оглядывался. Время опять было подъ вечеръ; улицы на селѣтихи, почти пусты, кой гдѣ баба съ ведрами, мальчишка въ братнемъ тулушишкѣ, въ отцовской шапкѣ; огонекъ кой гдѣ уже свѣтится въ окна, словомъ, все мирно, тихо, привѣтливо. Сталъ мучить Степана и страхъ и любопытство; дай-де узнаю, что теперь дѣлается въ домѣ моего Черноморца. Подъѣзжаетъ — и тутъ все тихо, огонекъ видѣнъ въ окно, вороты заперты. Степанъ подумалъ — да и стукнулъ кнутовищемъ въ ставень. «Что надо?» — Покормить лошаденку, пустите. — Хозяйка отворила волоковое окно и высунула голову: «Нѣтъ, Господь съ вами, проситесь къ другимъ, нельзя.» — Что такъ? вѣдь вы жъ бывало пускаете? —

«Пускаемъ, да теперь нельзя, хозяина нѣть дома, безъ себя пускать не велить: да это ты, Степанъ! я было тебя и не узнала! Нѣть, кормилецъ, безъ хозяина пустить не смѣю, собачиться будетъ, ей Богу; ступай вонь на искосокъ, къ Федулову, тамъ пустять и сѣнцо у нихъ свое, хорошее.»

— Да гдѣжъ у тебя хозяинъ? вѣтъ вчера дома былъ, какъ я ночью уѣхалъ? —

«А кто его знаетъ, куда его занесло; вслѣдъ таки за тобою, Господь знаетъ зачѣмъ, заложилъ сани, сѣль да и поѣхалъ, — а еще и деньги при немъ были въ бумажникѣ, рублей со сто никакъ; видно запиль что ли гдѣ нибудь; диво только, что лошадь сама домой пришла — аль онъ хмѣльной упустилъ ее — пришла одна, и мѣсто знать въ соломѣ на саняхъ, гдѣ сидѣлъ, а его виши нѣть.»

Степанъ простился, сѣль и поѣхалъ, а хозяйка затворила окно. «Стало быть» подумалъ онъ, «никто ничего не знаетъ. Да и что жъ мнѣ, вправду, чего бояться? я выѣхалъ себѣ напередъ, пріѣхалъ — хоть розыскивай, сколько хочешь, — въ

Родимиловку, никуда не заѣзжалъ, никого не видаль — онъ выѣхалъ послѣ меня — съ чего жъ тутъ кто на меня скажеть? никто и не подумаетъ, и подумать нельзя ни какъ. — Однако сто рублевъ, говорить хозяйка, при немъ были, а кому они достанутся? никому; тутъ и пропадуть, сгніютъ, какъ весна придетъ, только и будетъ проку. А нашъ братъ, рабочій человѣкъ, бьется цѣлое лѣто изоста рублевъ..... эко диво, подумаешь, сто рублевъ! и никто за нихъ спасибо не скажеть, никому впрокъ не пойдутъ, такъ себѣ изведутся. Ну—да не до нихъ теперь; благо только самого Господь отъ бѣды помиловалъ.»

Поровнявшись дорогой со знакомымъ ему мѣстомъ Степанъ сталъ однако же думать и размышлять объ этихъ деньгахъ посмѣлѣе; какъ таки проѣхать, не взять денегъ, не поднять ихъ съ земли, когда тутъ валяются? никого я этимъ не обижу, ни у кого добра не отымаю — просто само навернулось. Степанъ остановился, прислушался на всѣ стороны — все тихо,

глухо, никого нѣть. Онъ спустился въ оврагъ, отыскаль покойника, нашель при немъ тѣльной бумажникъ, вынуль изъ него деньги и поторопился опять въ путь. «Завтра сосчитаю» подумалъ онъ, «не уйдутъ они теперь. Я этого не искалъ, за этимъ дѣломъ не ходилъ, онъ самъ навязался. Это мнѣ стало быть Богъ послалъ. Нидругъ посягалъ на мою голову — Господь ему судиль самому подвернуться мнѣ подъ руку; не перелобань я его, ужъ онъ бы меня доѣхалъ. Грѣхъ на его душѣ, не на моей; онъ самъ себя извелъ своею рукою. Прости Господи, согрѣшенія наши!» Перекрестился и поѣхалъ.

Степанъ до этого времени помнилъ страшный зарокъ дѣда, соблазнившись одинъ только разъ на ночлегъ у покойного Черноморца, зарекся и закаялся послѣ того вдвое и въ ротъ не бралъ хмѣльнаго, но пріѣхавъ къ хозяину, въ Родимиловку, съ деньгами, которымъ никто не зналъ счету, онъ обождалъ еще съ недѣльку, увѣрился, что никто его ни въ чемъ не подозрѣваетъ, что о Черноморцѣ и слуху нѣть другаго,

какъ поѣхалъ—де да и пропалъ безъ вѣсти, а лошадь одна воротилась — и стала опять — съ горя ли, съ радостиль, погуливать. Куда правдиво слово это, что недобрья деньги впрокъ нейдутъ, и что легко добытую копейку вѣтромъ изъ мошны выносить!

Пошелъ да пошелъ гулять Степанъ — подъ конецъ и удержу не стало, хозяинъ его прогналъ и вычель еще съ него за прогулъ, по цѣлковому на день; пошелъ онъ къ другому, пропивъ все, до нитки, а домой еще и гроша не услалъ. Пришелъ Покровъ, пришли и Кузминки, насталъ и послѣдній срокъ — Воздвиженье — и новый хозяинъ, расчитавшись со Степаномъ, отпустиль его, сказавъ: «Не ходи ко мнѣ братъ на тотъ годъ — руки у тебя золотыя, да рыло поганое. Такихъ мнѣ не надо. Господь съ тобой.»

Степанъ нашелъ себѣ у новаго хозяина новаго товарища, съ которымъ не рѣдко вмѣстѣ гуляль; а какъ имъ домой было сотни полторы верстъ по пути, такъ они согласились итти вмѣстѣ. Люди съ людьми

ушли, а эти двое, какъ по плоше, такъ остались вмѣстѣ — имъ совѣстно было къ людямъ приставать.

Теперь стала Степана и совѣсть мучить, сталъ грѣхъ ото сна, отъ ъды отбивать, и страхъ, что дѣдъ скажеть, что отецъ? Степану стало жарко. Взяло его раздумье — какъ я покажусь имъ безъ денегъ? что принесу домой? А еще и Черноморца ободраль, какъ разбойникъ какой, — и все не впрокъ пошло! Въ это время подошелъ товарищъ его, Гришка, да и присталъ къ нему, чего-де нось повѣсилъ, какое горе мыкаешь? Степанъ признался, что страшно безъ денегъ дома показаться. «Эко горе!» сказалъ Гришка, «да вѣдь у меня, парень, также бѣда: завариль пива, да сталась нетека; рублевъ осьмнадцать всего домой принесу, а надо бы, говорять люди, сотни полторы, либо двѣ! Но слушай, Степанъ, не пойдемъ мы съ тобой по домамъ; что тамъ дѣлать? не слыхали мы побранки, что ли?»

— И радъ бы нейти, — отвѣчалъ Степанъ, — такъ у меня паспортъ только годовой; о Пасху срокъ. —

«Такъ гдѣ же у тебя еще Пасха, перекрестись! Вотъ тутъ подрядчикъ не за горой, набираетъ народу въ Казань; отпиши домой, что ушелъ въ Казань на зимнюю работу, тебѣ паспортъ выправлять, вышлютъ, а ты зимой заработкаешь сотенку; лѣто само по себѣ пойдетъ — вотъ на осень опять будешь съ деньгами; тогда съ Богомъ домой.»

Степанъ нашъ словно свѣтъ увидѣлъ; съ радости позвалъ Гришку въ питейный, чтобы почествовать его за доброе слово, да кстати ужъ запить и радость и горе.

Такимъ образомъ они, порядившись съ подрядчикомъ, отправились въ Казань артелью, но не доходя до города, отстали отъ своихъ; надо было вѣдь опять приготовиться къ работѣ; тамъ ужъ пить не дадутъ, разсудили они вдвоемъ, такъ дай тутъ въ волю на прощанье погуляемъ, да и закаемся.

Подгуляли товарищи вмѣстѣ, да подгулявши, какъ водится, сперва обнимались, цѣловались, а послѣ — не вѣдомо какъ и съ чего — поссорились,

побранились, да немного было и подрались. Народъ радъ такому случаю; гдѣ два дурака дерутся, тамъ ужъ навѣрное третій смотрить. На эту пору однако жъ нашлись видно люди по умнѣе, развели драчуновъ, и они снова помирились, поцѣловались и пошли вмѣстѣ рука въ руку въ городъ. Кто видѣлъ ихъ, сказывали, что они шли мирно и толковали только одинъ другому, какъ найти и доспроситься въ Казани своей артели и подрядчика: каждый изъ нихъ поочередно недоумѣвалъ, какъ это сдѣлать, и каждый опять толковалъ и объясняль, что языкъ до Кіева доведеть, не только до подрядчика.

Видно долго перекачивались они съ одного края дороги на другой; сумерки, а наконецъ ночь захватила ихъ еще на пути. Сѣли товарищи наши вмѣстѣ отдохать подъ кустами надъ Волгой — снова стали считаться, видно хмѣль еще не прошла — снова побранились, и подрались можетъ статься, кто ихъ знаетъ, что у нихъ тутъ было — да только конецъ вышелъ изъ

плохихъ плохой, такой, что крещеному человѣку и вымолвить страшно.

Степанъ просыпается на зарѣ — оглядывается кругомъ — онъ одинъ; вокругъ по косогору кусты, надъ головою по горѣ пролегаетъ почтовая дорога и тройка пронеслась съ колокольчикомъ — пыль за нею разостлалась — и все замолкло; у ногъ раздольная Волга, широкая, глубокая, тихая какъ зеркало — а товарища нѣтъ.

Стало обдавать Степана изъ-за плечъ поперемѣнно, то варомъ, то студеной водой — началъ онъ вспоминать что-то не доброе — глянуль себѣ подъ-ноги, на траву, увидѣль кровь и вдругъ вспомнилъ все, будто молніею освѣтило передъ нимъ потемки страшной прошлой ночи. Степанъ зарыдалъ, закрылъ лице руками и долго сидѣль такъ, охаль и стональ, какъ тяжко больной.

«Суди меня Богъ и Государь,» сказалъ онъ наконецъ, «видно по грѣхамъ моимъ и земля меня не снесеть больше; за что я сгубилъ Гришку сердечнаго?

Черноморецъ — ну, тому туда и дорога, прости Господи; онъ на мою голову посягалъ; а этотъ чѣмъ виновать? Хмѣль ошибла его, какъ и меня, вотъ и все; а сколько разъ подносиль онъ мнѣ, какъ товарищу, за послѣднюю гривну свою? охъ тяжело, не снесу я этого грѣха! не слушаль я дѣдовскаго заклятія; знать разсудиль меня съ нимъ Господь: вотъ оно когда пришло, неизбывное горе — не роди мать сыра земля, пропащій я человѣкъ!»

Степанъ всталъ, положилъ еще на прощанье земной поклонъ и поцѣловалъ подъ собою мать сыру-землю, перекрестился и взмолился въ слезахъ: «Гриша, не попомни ты мнѣ хоть на томъ свѣтѣ грѣха моего», и пошелъ въ городъ.

На тощахъ, какъ былъ — не до ъды ему теперь стало — явился Степанъ въ Земскій Судъ. Рано, говорять, еще никого нѣть. Степанъ сѣль у воротъ, гдѣ было человѣкъ съ десятокъ разныхъ просителей, и сталъ дожидаться. «Мое не уйдетъ отъ меня», подумалъ онъ, «вотъ эти бѣдняки стоять всякий за своей нуждой, всякий добивается

чего нибудь, ищеть за неправду, за обиду, а я ищу на себя. Суди Богъ и Государь, а ужъ прощай свѣтъ бѣлый, родимая сторонушка, не видать меня тебѣ!»

«Вотъ, отецъ сердечный, прочилъ за меня Марью, Машку Сошникову — вотъ тебѣ и женихъ! дѣвка она хоть куда, нечего сказать, да ужъ я ей не подъ стать. Ахъ ты головушка моя бѣдная, въ омуть какой усадила! Правду видно дѣдъ родимый сказывалъ, что коли пить не бросишь, Степанъ, такъ Господь попутаетъ тебя, покараетъ, и наживешь ты себѣ горе неизбывное! охъ, оно и есть, оно и привалило теперь, неизбывное, вѣковѣчное, даже до преставленія свѣта!»

Засѣдатель пришелъ — а въ тѣ поры этихъ становыхъ и слыхомъ еще не слыхать было — и Степанъ къ нему, да въ ноги. Засѣдателю надоѣли видно просители, и много ихъ за день у него въ ногахъ переваляется, онъ было и мимо; такъ Степанъ слово и дѣло вымолвиль: «прикажите,» говорить, «взять меня, я ночью человѣка убилъ»; такъ всѣ и ахнули

и самъ засѣдатель оборотился, поглядѣль на него, позвалъ въ присутствіе, поставилъ карауль, и сталъ допрашивать: какъ зовутъ, кто таковъ, чей, откуда, за чѣмъ, гдѣ паспортъ, который годъ, какой вѣры, былъ ли у св. Причастія, а тамъ ужъ дошелъ до дѣла.

«Степанъ я, Воропаевъ, по отцѣ Артемьевъ, годовъ видно будетъ мнѣ чуть ли не 24, Владимирской Губерніи и уѣзда, села Большаго Озера, Православный, у Причастія бывалъ каждогодно. Пошелъ я съ товарищемъ Григорьемъ изъ такого-то села, за такимъ-то дѣломъ, въ городъ; на дорогу выпили мы, оба; шумѣло въ головѣ у меня, шумѣло видно и у него; пошли мы считаться, что виши онъ взялъ у меня полтинникъ, да отдавалъ по гривнѣ и по двѣ, а я считалъ еще за нимъ пятнадцать копеекъ — раза два бралились и чуть до драки не доходило — все батюшка хмѣль виновата, ничего не помню, хоть убей. Тутъ сѣли мы отдыхать, да полудновали; опять я его попрекнуль, опять стала считаться, онъ обидѣль меня, маркитантомъ обругалъ, я

его — охъ, и вымолвить страшно, я его обухомъ въ голову и ударилъ; на грѣхъ и топоръ этотъ случился подъ рукой. Гриша мой покатился, кровь носомъ полилась ручьемъ; я испугался — а мы сидѣли подъ кустами, недалечко отъ берегу — испугавшись я его стащилъ на берегъ, сунулъ въ воду, да и спустилъ его по водѣ; такъ и сгубилъ я душеньку занапрасно. Видить Богъ, батюшка, все одна хмѣль виновата, ничего знать не знаю, вѣдать не вѣдаю. Что было, все сказалъ; теперь, что Господу Богу угодно, то и станется надо мной; что слѣдуетъ по закону, то и дѣлать прикажите — и прикажите заковать.»

Все это записали, приправили какъ надо было по закону и земскому обычаю — и Воропаева, связавъ, повели заковывать въ кандалы. Самъ подаваль и держаль Степанъ и руки и ноги; «не жаль, говорить, ихъ было — туда дорога, лишь бы скорѣе конецъ, лишь бы не дали сгнить въ острогъ.»

Отвели и туда его; тамъ караульные осмотрѣли, да ощупали кандалы, все ли

исправно, обыскали кругомъ арестанта, приняли бумагу и росписались; разсыльный взялъ опять книгу свою подъ мышку и не взглянувъ больше на Степана, ушелъ. Дѣло привычное.

Въ первый разъ попалъ Степанъ въ такое мѣсто — въ первый разъ можетъ статься и заслужилъ это. И темно, и сырьо, и душно, и грязно. Товарищи такіе, что страшно на нихъ и взглянуть; кто въ лохмотьяхъ, заросъ волосами, космы мотаются; кто исхудалъ подъ замкомъ, лица не знать, голосу нѣть человѣческаго; а кто еще свѣжъ и дюжъ, да глядить такимъ головорѣзомъ, что и въ острогѣ страшно рядомъ съ нимъ лечь. Было тутъ, какъ и всюду въ такихъ мѣстахъ, человѣка три Ивана—не—помнящихъ; мужики здоровые, бороды чуть не по поясъ, а говорять: Иваномъ зовутъ меня, а опричъ того ничего не знаю и не помню: ни гдѣ родился, ни гдѣ выросъ, ни отца, ни матери, ни родины — ничего не знаю, — Иванъ да Иванъ — такъ весь вѣкъ и шатался. Одинъ сидѣлъ съ женой, съ дѣтьми, и тотъ тоже говорить; и

жена ничего не помнить, не знать, только знать, что зовутъ ее Марьей. «Господи Боже мой,» подумалъ Степанъ, когда обжился немного въ тюрьмѣ, «что за диво, что за Иванъ да Марья, и выросли, и состарѣлись, а знать не знаютъ, вѣдать не вѣдають, кто они и чьи они?»

Разговорился разъ както Иванъ—непомнящій со Степаномъ, и сталъ уговаривать его вмѣстѣ бѣжать. Степанъ отказался, «я» говорить «своей волей попаль» — Какъ такъ? — да вотъ такъ и такъ. — Дуракъ же ты видно былъ, дуракъ и есть; да ты отопрись и теперь; улики нѣть и ничего тебѣ не сдѣлаютъ. — Но Степанъ, сколько ни скучалъ, сколько ни томился въ заключеніи, остался при своемъ показаніи и ожидалъ спокойно участіи своей.

Между тѣмъ дѣло все шло своимъ чередомъ; водили Степана раза по два въ недѣлю въ Судъ, все снова доспрашивались, добирались — нѣть концовъ больше никакихъ, все одно и тоже. Дознались какой такой былъ товарищъ его, Гришка, разослали повсюду объявленія, не

найдется ли гдѣ — выждали отовсюду отвѣты, что нигдѣ такой человѣкъ на жительствѣ не оказался, и покончивъ наконецъ всѣ розыски, какъ уже съ того свѣта справокъ навести было не можно, присудили учинить надъ Степаномъ, по собственному сознанію его, по закону, и сослать его въ каторгу.

Пошло однакоже дѣло это своимъ порядкомъ, еще изъ Уѣзднаго Суда въ Уголовную Палату — и тамъ его въ одни сутки не порѣшили; однакоже добрались наконецъ и до него, нашли что все исправно — утвердили рѣшеніе Суда, только осталось Прокурору отмѣтить: *читалъ*, да Губернатору утвердить приговоръ, скрѣпивъ его по листамъ, какъ приказано закономъ.

Прокуроръ быль человѣкъ добрый, а пуще всего смирный, противъ правды не хаживаль, однакоже и за дѣло гораздъ не стаиваль, не надрывался ни надъ чѣмъ. Много за годъ разныхъ приговоровъ черезъ его руки проходило, тысячи двѣ, да кромѣ того тысяча подъ тридцать рѣшеній и постановленій изъ Губернского Правленія и

Палать. Все шло у него гладко и ровно, бумага не кричить, что ни напиши на ней — такъ она и была нашему смирному Прокурору товарищъ сподручный; прочтеть не прочтеть, а напишеть съ поля: *читалъ* — и концы въ воду.

Однако приговоры Уголовной Палаты стариkъ читывалъ, по крайней мѣрѣ отъ слова: приказали; прочель и дѣло нашего Степана, да и положиль его — не Степана то есть, который все еще сидѣль въ острогѣ, а дѣло — положиль на ломберный столъ, покрытый цвѣтной салфеткой. На столъ этотъ попадали у него всѣ дѣла съ обстоятельствами сомнительными, по коимъ собирался онъ когда нибудь на досугѣ подумать.

Долго Прокуроръ нашъ, расхаживая по комнатѣ, или лежа на диванѣ съ трубкой, косился на сомнительный столъ свой и въ особенности на приговоръ, по которому приходилось наказать человѣка за то только, что онъ самъ сознался въ своемъ преступлѣніи, на которое не было никакихъ уликъ. «Оно конечно такъ» думалъ про

себя прокуроръ, «тѣло унесло по Волгѣ. Волга широка и глубока и длинна — коли его и примыло гдѣ нибудь къ берегу, такъ мужики такую бѣду отъ себя ночью шестами спроваживали; и ничего нѣтъ мудренаго, что тѣла нигдѣ не отыскали. Да не знаю почему, а дѣло кажется мнѣ сомнительнымъ; приговоръ не законный; кажется, будто на этомъ нельзя основать приговора. Надо справиться хорошенъко въ 15-мъ томѣ.» Подумавъ такъ, Прокуроръ покосится бывало опять на столикъ свой, да и задремлетъ, либо, смотря по времени, надѣнеть сюртукъ, да отправится на вистъ.

Между тѣмъ время шло: напоминаетъ Секретарь одинъ разъ Прокурору объ этомъ дѣлѣ, напоминаетъ и въ другой и въ третій — завтра, да завтра, и вмѣсто трехъ дней, давно прошли три недѣли, а приговоръ не просмотрѣнъ. Наконецъ пристали къ Прокурору плотнѣе, заторопили его не на шутку и говорятъ, что мы—де, въ вѣдомостяхъ о нерѣшенныхъ арестантскихъ дѣлахъ, покажемъ это дѣло за вами.

Только что собрался было Прокуроръ нашъ, скрѣпивъ сердце, подмахнуть приговоръ, что бы кончить дѣло мирно, безъ шуму, какъ самъ Предсѣдатель Уголовной Палаты прикатилъ подъ Прокурорское крыльцо — и вошелъ, и сталъ, поздоровавшись, рассказывать такія чудеса, что Прокуроръ отъ удивленія подъ конецъ сложилъ молча руки, запустивъ накрѣпко пальцы въ пальцы и только пожималъ плечами.

«Въ памяти ли у васъ дѣло», — такъ началъ Предсѣдатель, «дѣло Степана Воропаева, который, по собственному сознанію своему, убилъ товарища своего на Сухомъ Оврагѣ? ну, такъ вообразите же, покойникъ-то живъ!! Да, живъ, либо самъ нечистый влѣзъ въ шкуру его, да въ ней и ходить! Вчера бурлаки, или плотники что-ли какие-то, взбунтовались у привольного кабака, подняли такой шумъ, что весь городъ сбѣжался. Что же? Да признали они, сударь, того самого плотника, котораго Воропаевъ прошлую осенью убилъ. Пристали къ нему, кто-де ты таковъ,

откуда взялся? Я, говорить, воть такой–то, Григорій, ходиль въ это лѣто за Волгу, а теперь пробираюсь домой, да зашелъ по пути выпить; въ этомъ, говорить, я виновать. — «Да вѣдь тебя прошлаго лѣта убили?» — Нѣтъ, Господь миловалъ, покуда терпить еще грѣхамъ нашимъ — живемъ; — «Да ты со Степаномъ Воропаевымъ знался?» — Какъ же, знался; лѣтось мы съ нимъ работали вмѣстѣ воть тамъ–то и за нимъ еще моихъ 15 копеекъ осталось. — «Ну а вмѣстѣ съ нимъ вы лѣтось въ Казани были?» — Нѣтъ, маленько не дошли, разстались. — «Такъ вѣдь тутъ–то онъ тебя и уходилъ; онъ и въ острогѣ сидить, и скоро его ужъ на кобылу поведуть!» — Оборони Господь; нѣтъ, этого не было; мы, признаться, оба хмѣльны были, такъ и повздорили, выпито было у насъ на полтинникъ — я виши съ него еще правиль пятнадцать копеекъ, а онъ ихъ на мнѣ считаетъ; известное дѣло, хмѣльнай разумъ. Такъ мы сѣли было отдохнуть, ночь насъ захватила, тутъ я опять приступилъ къ нему, да по шеѣ его и

ударилъ; онъ меня и самъ хватилъ, и рыло разбиль мнѣ, я и бросиль его, умылся на берегу, да и пошелъ самъ по себѣ, а его покинулъ. Онъ видно отяжелѣлъ больно, да тутъ же и уснуль. Больше я его не видаль и слыхомъ объ немъ не слыхалъ.

Предсѣдатель съ Прокуроромъ подивились такому дивному случаю; Прокуроръ радовался, что не помѣтилъ еще приговора и стали толковать о другихъ дѣлахъ; о шести въ сюрахъ и прочее.

Между тѣмъ Гришку съ такимъ показаніемъ отправили въ Земскій Судъ, оттуда въ Уѣздныи, тамъ къ дѣлу, въ Уголовную Палату, а оттуда ужъ вмѣстѣ съ дѣломъ и со Степаномъ опять назадъ, для пополненія слѣдствія. Сколько ни допытывались, ни отъ Гришки, ни отъ Степана другаго не узнали; а на очной ставкѣ, Степанъ крестился, взыхалъ отъ страха, глядя на Григорія, считаль его выходцемъ съ того свѣта, и говориль: «власть ваша, что хотите, то и дѣлайте надо мною, а я его убилъ.» А Гришка уличалъ его, что онъ вретъ; пересказывалъ ему,

припоминаль, по приказаню суда, все, какъ что у нихъ было; а Степанъ, нѣмъя и цѣпенъя отъ страху, не понималъ ничего, ровно одурѣлъ, хлопалъ глазами, взыхалъ и оставался при своемъ показаніи; больше, говорить, ничего не знаю.

Дѣло, разумѣется, кончилось тѣмъ, что освидѣтельствовали Степана, не сумасшедшій ли онъ, а послѣ сказали ему дурака, за то что онъ надѣлалъ только пустой тревоги, да и велѣли убираться на всѣ четыре стороны.

Хоть я и не совсѣмъ знаю, какъ все это объяснить, но кажется, что Степанъ, поссорившись и подравшись хмѣльной и на яву, видѣлъ во снѣ будто убилъ товарища и видѣлъ такъ живо, что греза показалась ему правдой. Можетъ быть тутъ подѣйствовало и воспоминаніе о невольномъ убийствѣ Степана, въ собственную защиту свою, которое осталось на всегда не раскрытымъ. Не нашедши спросонья подлѣ себя товарища, который ушелъ ночью, ничего ему не сказавши, да увидавъ еще на травѣ или на

песку у берега слѣды крови — Степанъ и вовсе смутился, увѣряль себя, что все это не сонь, а явь, пошелъ, да самъ на себя и донесь. Страхъ довершилъ эту несчастную увѣренность и ложное убѣжденіе заступило мѣсто истины. Но когда объявили Степану положительно, что онъ свободенъ и притомъ не убійца, то бѣднякъ залился слезами и сказалъ: «Нѣтъ, ужъ видно мнѣ такъ на роду написано: судьбы не минуешь! Вяжите жъ меня опять, я еще другаго человѣка убилъ....» но ему не дали договорить, а зажали ротъ и выпроводили вонъ, приказавъ убираться. Никто ему не вѣрилъ, а всѣ считали его помѣшаннымъ, хоть господа Доктора и дали свидѣтельство, что онъ въ полномъ и здравомъ умѣ.

Долго не могъ онъ опамягтваться послѣ такой продѣлки; долго ходилъ ровно безъ ума, покуда наконецъ Гришка, приставая къ нему безъ всякаго успѣха цѣлыхъ сутки, что бы имъ вмѣстѣ запить горе — успѣль наконецъ кой какъ убѣдить его, что онъ несетъ дичь. Тогда только Степанъ вздохнулъ свободно, перекрестился

вольной рукой, вспомнилъ все прошлое — и подумалъ о будущемъ. Зелено вино, это продажное горе, опротивѣло ему до того, что онъ въ жизнь свою не могъ вынести и духу его. Переставъ пить, Степанъ Воропаевъ вышелъ человѣкомъ, и не только зарабатывалъ что слѣдовало на себя и на своихъ, но лѣтъ черезъ восемь завель свою артель, ходилъ въ синей сибиркѣ съ саженью въ рукахъ; отецъ и дѣдъ его благословили и Машка Сошникова, нынѣ Воропаева, готовила ему, между тѣмъ какъ онъ былъ на работѣ, щи да кашу, а въ пость калинники, превкусные и превонючіе калиновые пироги.

В. ДАЛЬ